

УДК 81'373

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: МЕНТАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Хайруллина Р.Х.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»,
Уфа, e-mail: rajhan@mail.ru

В данной статье раскрываются лингвокогнитивные механизмы формирования фразеологической образности на материале разноструктурных языков – русского, английского, турецкого и башкирского. В лингвистике существуют различные подходы к исследованию образной составляющей семантики фразеологизмов. Наиболее известными являются трактовка фразеологической образности как буквального прочтения семантики устойчивого оборота в процессе восприятия его актуальной семантики (Дж. Лакофф, Р. Гиббс, О'Бриен и др.) и теория интерференции, основанная на способах интерпретации смысла компонентов фразеологизма, благодаря которым оборот получает образно-переносное значение (К. Каччари, С. Глаксберг и др.). В отечественной лингвистике исследование фразеологической образности представлено в трудах Д.О. Добровольского, который отмечает возможность декодирования фразеологического образа лишь в случае его вербального выражения. Ментальная и лингвистическая природа фразеологической образности представляет собой неразрывное целое как результат когнитивно-оценочной деятельности человека и отражения ее в языке. В статье излагаются факторы формирования фразеологического образа, анализируются его универсальные и национально маркированные свойства. Анализ фразеологических образов, закрепленных во фразеологической картине мира, дает возможность выявить универсальный характер когнитивных процессов, обуславливающих общие логические структуры во фразеологии разных языков, с одной стороны, и роль человеческого фактора и национального миропонимания в вербальном выражении этих универсальных структур в каждом конкретном национальном языке, с другой.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический образ, ментальность, фразеологическая картина мира, языковое сознание, мотивационные прототипические модели

PHRASEOLOGICAL IMAGE: THE MENTAL NATURE AND THE LINGUISTIC EXPRESSION

Khayrullina R.K.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, e-mail: rajhan@mail.ru

The article is devoted to the linguistic and cognitive analysis of the mechanism of formation of phraseological image and its verbalization in different languages. In foreign linguistics there are different approaches to the study of the mental nature and the linguistic expression of phraseological imagery (J. Lakoff, R. Gibbs, O' Brien, C. Cacciari, S. Glucksberg etc.). As a master thesis in the interpretation of this phenomenon they allocated the ratio of the literal meaning motivating idiomatic collocations and phraseological actual values. In Russian linguistics of phraseological imagery write V.N. Teliya, V.M. Mokienko, D.O. Dobrovolsky, R.Kh. Khairullina etc. The methodological basis of the study of phraseological image is the phenomenon of «phraseological picture of the world», which is a system of imaginative mapping of the world through different types of idioms in a language. The article examines the theoretical foundations for the study of phraseological imagery, are considered universal and ethnic factors of its formation, features of linguistic expression of visual images transmitted by the phraseology of the language. Describes two approaches to the identification of phraseological imagery – onomasiological and semasiological. Russian, Turkish, Bashkir and English idioms demonstrates a generic logical framework idioms in different languages and interpreted national features of its linguistic expression. The ratio of universal and ethnic in phraseological picture of the world reflects a kind of universal and national mechanism of imaginative mapping of the world.

Keywords: idiom, phraseological image, mentality, phraseological picture of the world, language awareness, motivational prototypical models

Объективный мир предстает перед человеком не только как совокупность материальных предметов и явлений, но и как наглядный глобальный образ мира, представленный системой языковых образов. Исследование картины мира как отображения в сознании человека универсума базируется на выявлении механизма вербализации результатов познания. Наиболее ярко образное картирование мира представлено во фразеологическом фонде языка. Фразеологический образ как ментальное образование формируется в процессе получения

новых знаний о мире или рефлексии уже имеющегося у субъекта опыта познания.

Целью данного исследования является обзор научных подходов к изучению ментальной природы фразеологического образа, описание факторов его формирования и способов языкового выражения образов мира на материале фразеологии.

Материалом исследования выступают русские, турецкие, башкирские, английские фразеологизмы, извлеченные из фразеологических словарей методом сплошной выборки.

Для достижения исследовательской цели в статье используются следующие общенаучные и лингвистические *методы*: метод лингвистического исследования с приемами наблюдения над эмпирическим материалом, его описания и обобщения, систематизация материала, сравнительно-сопоставительный метод (в процессе выявления универсального и национально-своеобразного во фразеологической образности), приемы лингвокультурологического анализа (для выявления вербализации национального менталитета посредством фразеологических образов).

Как известно, фразеологический образ имеет сложную ментальную и лингвистическую природу. Это связано, с одной стороны, с особенностями человеческого мышления и когнитивно-оценочной деятельности субъекта, а с другой – с особенностями языкового выражения фразеологической образности. Фразеологизм, являясь номинативной единицей языка, характеризуется двуплановостью семантики. В соответствии с этим, говоря о фразеологической картине мира, Д.О. Добровольский выделяет в языке два «слоя» фразеологической картины мира (ФКМ): ФКМ-1 и ФКМ-2. Первая образуется значениями образных субстратов, то есть буквально понятными исходными словосочетаниями (*сидеть на двух стульях, ловить рыбу в мутной воде, тащить каштаны из огня, подливать масла в огонь* и т.д.). ФКМ-2 является частью актуальной картины мира народа и образуется совокупностью актуальных значений устойчивых оборотов [2: 47]. Связующим звеном между ФКМ-1 и ФКМ-2 является внутренняя форма фразеологизмов.

Интересной является точка зрения психолингвиста К.Ф. Седова, который, характеризуя нейролингвистические процессы мозга человека в процессе создания и восприятия речи, отмечает разную роль правого и левого полушарий мозга в восприятии прямого (буквального) и образного значений слова. Относительно устойчивых оборотов, которые обладают двуплановостью семантики, отмечается, что в восприятии буквального и образно-переносного значения фразеологической единицы участвуют также разные полушария мозга: левое полушарие участвует в восприятии буквального смысла фразеологической единицы (*носить воду решетом*), а правое – в восприятии его образной семантики (выполнять работу с помощью непригодных для этого предметов) [4]. Это утверждение также демонстрирует онтологическую и семантическую двуплановость фразеологизма.

Буквальное прочтение фразеологизма вызывает в сознании человека «картинку», которая интерпретируется затем в процессе осмысления ситуации, предмета, признака, действия и т.д. В одних случаях восприятие буквального смысла помогает говорящему декодировать образное осмысление оборота, а в других случаях (например, у фразеологических сражений) мотивирующая база остается нераскрытой в силу исторических процессов в составе фразеологической единицы.

Фразеологическая образность с точки зрения когнитивной деятельности человека понимается учеными по-разному. Одни считают такую образность результатом закрепления в языке конкретных виртуальных представлений о мире (Дж. Лакофф, Р. Гиббс, О'Бриен и др.) – ср. *мыльный пузырь, как на пожар, снимать пенки*. Другие ученые связывают фразеологическую образность с «буквальным прочтением» устойчивого оборота в процессе восприятия прямых значений его компонентов с последующей их интерпретацией (К. Каччари, С. Глаксберг и др.).

По мнению Д.О. Добровольского, ментальная природа фразеологической образности является достаточно субъективной и зыбкой в плане определения ее мотивированности, можно говорить лишь о тех образах, которые получают закрепление в языке. «Для лингвистического описания семантики идиом, – отмечает он, – интересны, по видимому, лишь те элементы ментального образа, которые находят языковое выражение» [3, 73]. Данный тезис подтверждают и результаты опроса информантов, интерпретирующих по-разному мотивационную базу фразеологизма – его внутреннюю форму – с точки зрения своего жизненного опыта, наличия у них разных фоновых знаний, связанных с данным предметом или ситуацией, лингвистическим кругозором.

Сферами создания фразеологической образности являются, прежде всего, различные области практической жизнедеятельности народа, в рамках которой идет приобретение житейского опыта, выступающего мотивационной базой фразеологической семантики. В данном случае можно говорить о прототипических мотивационных моделях фразеологизмов, определяющих развитие их образной семантики. Эти модели отражают историю, культуру и образ жизни народа, носителя языка. Тогда как понятийной базой фразеологизмов выступают универсальные логические структуры, характеризующие общечеловеческий ход мыслей при восприятии и оценке каких-либо понятий.

Например, о скупом человеке русские говорят, что *У него снега зимой не выпросишь*, так как представителям русской этнокультурной общности известно, что зимы в России многоснежные, снегом покрыты огромные пространства, снег никому не принадлежит, это атмосферные осадки. Турки характеризуют скупость посредством другой ситуации: *Если подойдешь к его коustru – дыма не даст; Греха своего не отдаст*. Башкиры о скупом человеке говорят, что он *Мусор (соринку) не даст*. Общая логическая модель этих фразеологизмов в разных языках такова: если человек не дает другому то, что ему не принадлежит, чего в избытке (снег зимой в России), то, что невозможно удержать при себе (дым), то, от чего другой бы избавился (грех, мусор), то такой человек чрезвычайно скуп. Как видим, одно и то же понятие передается в разных языках в процессе общечеловеческого по сути осмысления этого понятия через разные жизненные ситуации, актуализированные лишь одним народом.

Прототипические мотивационные модели строятся на совокупности знаний и представлений о жизни и быте конкретного народа. Например, знания о жизни русской деревни получили закрепление во фразеологизме *Пусти козла в огород*. На Руси в селах занимались огородничеством – растили овощные культуры (капусту, репу, картофель, морковь), заготавливали их впрок и питались заготовками всю долгую зиму. Козы – травоядные животные, любят капусту и другую зелень, если козла пустить в огород, он съест или испортит посевы. Данные знания были переосмыслены и получили закрепление в актуальном значении фразеологизма: кто-либо нечестный может воспользоваться какими-либо ценностями во вред другим, если его допустить к ним.

«Под фразеологическим образом следует понимать, – пишут Р.Х. Хайруллина, М. Айчичек, А. Бозташ, – возникший в результате переносно-образной интерпретации компонентов исходной единицы смысл, который закрепляет миропонимание носителей языка» [5, 199]. Лингвокогнитивный анализ фразеологической образности может быть выполнен двумя способами: ономаσιологическим (от предмета к образу) и семасиологическим (от слова к образу) [2, 7–8]. В первом случае фразеологический образ выступает как лингвистическая универсалия, его ментальная природа обусловливается особенностями человеческого воображения. Так, практически во всех языках дается интерпретация черт характера человека через категории времени, пространства, количества, через конкретные

жизненные ситуации, но языковое их выражение различно в силу национального менталитета и культуры. Понятие бедности передается в русской лингвокультуре через отсутствие у человека земельного надела, коня (ср. *Ни кола ни двора* у кого; *безлошадники*), у англичан через отсутствие дома (*No home, no house* – букв. ни дома, ни хозяйства). Во втором случае фразеологический образ является результатом рефлексии носителя языка – ассоциации, связанные у него с определенным предметом, становятся семантической базой для переноса значения у слова, называющего этот предмет. Так, слово *грязь* ассоциируется у русских с позором и оскорблением личности (*облить грязью* кого-л.), большим количеством чего-либо (*что грязи*), с бедностью и низким социальным положением человека (*из грязи да в князи*). Нож ассоциируется с враждой и противостоянием (*быть на ножах* с кем), с предательством и коварством (*нож в спину*), с нанесением кому-либо душевной боли, расстройства (*нож в сердце*), с опасностью и риском (*ходить по лезвию ножа*). Мотивационная база данных фразеологизмов понятна всем русским.

Таким образом, один и тот же образ может быть выражен в языке с помощью разных концептов, а один и тот же концепт может выступать базой для формирования разных фразеологических образов.

Национально-культурная специфика фразеологии обусловлена, прежде всего, культурно маркированными ассоциациями, которые возникают при осмыслении образа жизни народа, природы, среди которой он живет, традиций и обычаев, верований. «Объекты мира осмысливаются представителями разных лингвокультурных сообществ через призму культурно маркированных коннотаций и ассоциаций, поскольку коллективный опыт миропонимания диктует носителям языка контекст восприятия» [6, 58]. Если говорить о русском языковом сознании, то формирование фразеологизмов с такими компонентами, как, например, *снег, грязь, поле, земля, конь, хлеб, печь* и др., отражает особенности русской природы (зимой в России много снега, весной и осенью – грязи), традиционным типом хозяйствования для русского народа было оседлое земледелие, основной тягловой силой в труде был конь.

По мнению Г.Д. Гачева, национальный образ мира у разных народов (а фразеология – это образное картирование мира) выявляется на «двух этажах» культуры: на поверхностном уровне (природа, быт, артефакты) и на глубинном уровне (способы осмысления объективного мира и его ре-

презентация в образах, в том числе и языковых). «Брошенный в природу, в данный климат, данную территорию: в горы, в долины, в пески, в тундру – народ обживался, приспособлялся, а одновременно и природу стал приспособлять к себе и развил самобытную, точно отвечающую данному месту природы материальную культуру и соответствующую психику, язык, мышление и т.д.», – пишет Г.Д. Гачев [1, 15].

Ментальная природа фразеологической образности в разных языках сложна и многопланова. Языковые способы ее выражения более конкретны и формируются в рамках грамматического строя языка. Важное значение в вербализации фразеологического образа имеет компонентный состав устойчивого оборота. Именно компоненты становятся своеобразными маркерами того смысла, на базе которого формируется актуальное значение фразеологизма и который отражает особенности национального миропонимания. Поскольку генетически фразеологизм мотивируется свободным словосочетанием, получившим образную интерпретацию в процессе его фразеологизации, то структура оборота получает свое выражение в соответствии с логическим строем языка – это может быть словоформа, словосочетание (в том числе и компаративное), предложение.

Национальное миропонимание в форме фразеологического образа, получая одинаковую языковую форму, может получать различную смысловую интерпретацию в призмах национальной культуры и менталитета. Например, в русском языке фразеологизм *как тиявка* (пристал) означает нудного человека, докучающего своими просьбами, придирами и т.д. У башкир аналогичный оборот *как (водяная) тиявка* означает грациозную, с гибким станом девушку, женщину. *Свернуть хвост* (кому-л.) – в русском языке означает «наказать, приструнить кого-либо», а у башкир *свернуть хвост* – означает «отправиться в путешествие верхом на коне».

Итак, фразеологический образ имеет сложную ментальную природу и формируется в процессе осмысления человеком мира вещей, конкретных жизненных ситуаций в практической жизнедеятельности, дающих опыт бытия. Языковое выражение фразеологического образа, с одной сторо-

ны, универсально в силу универсальности самой языковой системы, с другой стороны, национально своеобразно, поскольку процесс приобретения оценочно-когнитивного опыта происходит в рамках национального культурно-исторического развития народа. Именно поэтому фразеологические образы могут быть уникальными. Сочетание универсального и этнического в образном картировании мира придает фразеологической картине мира каждого народа свое неповторимое лицо.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. – М.: Советский писатель, 1988.
2. Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков). – Владимир, 1990.
3. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.
4. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия. – М., 2011.
5. Хайруллина Р.Х., Айчичек М., Бозташ А. Универсальные культурные концепты в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Филология и искусствоведение». – Вып. 3. – 2011. – С. 197–202.
6. Хайруллина Р.Х. Лингвофилософия: особенности национального языкового сознания. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012.

References

1. Gachev G.D. Nacionalnyye obrazy mira. Obschye voprosy. M.: Sovetskiy pisatel. 1988.
2. Dobrovolskiy D.O., Malygin V.T., Kokanina L.B. Sopotavitelnaya frazeologiya (na materiale germanskih yazykov). Vladimir. 1990.
3. Dobrovolskiy D.O. Obraznaya sostavlyayuschaya v semantike idiom // Voprosy yazykoznanija. no. 1. 1996. pp. 71–93.
4. Sedov K.F. Diskurs kak suggestiya. M., 2011.
5. Khayrullina R.Kh., Aycicek M., Boztash A. Universalnye kulturnye koncepty v kontekste mezhkulturnoy kommunikacii // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Fililogiya i iskustvovedenie». Vyp. 3. 2011. pp. 197–202.
6. Khayrullina R.Kh. Lingvofilosofiya: osobennosti nacionalnogo yazykovogo soznaniya. Ufa: izdatelstvo BGPU. 2012.

Рецензенты:

Фаткуллина Ф.Г., д.фил.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа;

Артюшков И.В., д.фил.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.